

В глазах призрачного заклинателя Су Цзюгуй уже был мертвецом. Да и кем еще считать того, за чьей головой одновременно охотятся Мо Линь и Цзи Юаньчу?

Су Цзюгуй покачал головой. Отложив до поры разговор с пленным, он направился к выходу и заметил, что Вэнь Ци застыл соляным столпом.

Суматоха растянулась на полночи, и теперь, в предрассветный час, заброшенный двор усадьбы тонул в густом мраке, который едва разгонял одинокий, сиротливо покачивающийся красный фонарь. Су Цзюгуй остановился перед юношей, сжимая в руке отрубленную голову.

Когда призрачный заклинатель только явился, Вэнь Ци трясся от страха; следя за чужой битвой, задышался от восторга; когда Су Цзюгуй одержал верх — ликовал. Но теперь, когда буря улеглась, в душе его осталась лишь щемящая тоска. Пока Су Цзюгуй допрашивал пленника, Вэнь Ци молча осознавал, насколько далек их мир от его собственного. Он сидел на земле, обхватив руками колени и уперевшись в них подбородком. Поникший и опустошенный, точно лишившийся души, юноша казался безжизненным истуканом.

Су Цзюгуй мысленно признал: для простого смертного зрелище шестиглавого монстра — испытание не из легких. Обыватель давно свалился бы без чувств, а Вэнь Ци мало того что держался на ногах, так еще и рассудок не потерял.

Похоже, в нем действительно дремал духовный источник.

Су Цзюгуй терпеть не мог впутывать непричастных в свои дела. Не повстречай Вэнь Ци его на своем пути, то и дальше жил бы беззаботно, не ведая о существовании демонов.

Су Цзюгуй негромко спросил:

— Перепугался до смерти?

Вэнь Ци поднял голову, и в его покрасневших глазах отразилась такая детская обида, что он сразу показался совсем юным. В свои восемнадцать лет он был еще неразумным мальчишкой, который сейчас напоминал брошенного волчонка — вожака стаи ушел вперед, оставив его один на один с глухим, враждебным лесом. Последний уцелевший побег некогда знатного рода.

Поймав взгляд Су Цзюгуя, юноша поспешно отвернулся и вновь уткнулся лицом в колени.

Сяобай поначалу подозревал, что парень побежал жаловаться властям, однако предрассветная тишина так и не взорвалась топотом Армии Таинственных Символов. Выходит, у этого проныры все же осталась крупица совести. Сяобай посмотрел на него с чуть большим одобрением и окликнул:

— Эй, ты чего закис?

Вэнь Ци не шелохнулся, лишь пальцы сильнее стиснули деревянный оберег. Сяобай бросил быстрый взгляд на его ладонь. Копеечная безделушка, опаленная огнем, давно лишилась последних остатков духовной силы, превратившись в бесполезную щепку.

Теряя терпение, дракон проворчал:

— Да что с тобой стряслось-то?

Юноша прижал оберег к груди. Не случись кошмара минувшей ночи, он бы до конца дней своих не разгадал скрытую в нем тайну. Вэнь Ци долго крепился, но участливый — хоть и грубоватый — голос Сяобая переполнил чашу. Из глаз брызнули слезы, которые он больше не мог сдерживать.

Сяобай, терпеть не собиравшийся мужских слез, растерянно забормотал:

— Ну ладно тебе, из-за щепки реветь! Хочешь, я тебе новую справлю, а? Из хорошего дерева, м?

Что за ценность в копеечном обереге? Сяобай при желании мог раздобыть для него вещь, способную защитить от целого полчища нечисти.

— Это... матушка мне оставила, — всхлипнул Вэнь Ци.

Сяобай осекся. У него самого матери не было, и это человеческое чувство оставалось для него загадкой, но он прекрасно знал, что для смертных нет существа ближе и дороже.

— Она за день до смерти доползла до храма Бога Города, чтобы вымолить его для меня, — продолжал Вэнь Ци, глотая слезы.

В Городе между Облаками любые проявления даосизма карались жестоко, и больной женщине пришлось из последних сил тащиться далеко за городскую черту. Тогда матушка Вэнь уже стояла одной ногой в могиле. Старый доктор Ци качал головой и прямо советовал Вэнь Ци шить саван и готовиться к худшему.

В тот день Вэнь Ци принес отвар, но комната оказалась пуста — матери нигде не было. Она вернулась только к полудню, едва волоча ноги. Вэнь Ци тогда пришел в ярость. Он кричал на нее, называл взбалмошной старухой, которая лишила его сна, заставила метаться в поисках по всему уезду и сорвала все дела. Злился, что она, будучи при смерти, шатается где попало.

Матушка Вэнь выслушивала его брань с виноватой улыбкой, словно напроказничавшее дитя, а затем робко вложила деревяшку в его ладонь: «Я выпросила для тебя амулет на счастье, сынок. В нем моя кровь. Почтенный мастер пообещал, что этот оберег отведет от тебя любую беду».

Тогда Вэнь Ци бушевал и даже слушать ее не желал. Он лишь мельком заметил на ее запястье грубую тряпичную повязку, сквозь которую проступало бурое пятно. Он швырнул оберег на стол и кричал, что ее одурачил уличный шарлатан, что в доме шаром покати, а она выбрасывает последние медяки на ветер. Каждое слово, сказанное тогда в запальчивости, теперь выжигало его душу изнутри: «Что за дрянь ты притащила? Деревяшка паршивая! Да грош ей цена в базарный день!»

Вэнь Ци закрыл лицо ладонями, и плечи его судорожно заходили ходуном:

— Она ведь... ведь только о моем благе пеклась. Боялась, что глупый сын с голодудохнет, когда ее не станет.

Умирая, бедная женщина больше всего страшилась оставить своего непутевого сына-гуляку на произвол судьбы. И всё, что было в ее скромных силах — это вымолить для него благословение небес. Со дня похорон прошло больше недели, но Вэнь Ци не проронил ни слезинки. Лишь теперь, заглянув в бездну, он до конца осознал: его единственная защитница ушла навсегда.

— Она ведь... знала меня как облупленного, — прошептал он в пустоту.

Какая-то невидимая тяжесть сдавила ему грудь, не давая вздохнуть, а сердце защемило с такой силой, словно его сжимали тисками. Губы юноши судорожно кривились. С трудом выдавливая слова, он пробормотал:

— Она нарочно... выпросила именно деревянный амулет. Знала, мерзавка, что будь он из нефрита или серебра, я бы в тот же день спустил его в кабаке или заложил за бесценок.

Когда матушки не стало, у него за душой не осталось ни гроша даже на приличный саван. Оказавшись на самом дне, голодный и злой, Вэнь Ци действительно отнес оберег меняле. Но старьевщик лишь брезгливо покрутил щепку в руках и предложил за нее два жалких медных гроша. Решив, что эта мелочь его не спасет, Вэнь Ци сплюнул и убрал деревяшку обратно в карман.

Прояви он тогда чуть больше твердолобости, продай он амулет — и в ту кошмарную ночь некому было бы принять на себя смертельный удар когтей нечисти. Никакой Су Цзюгуи не успел бы прийти на выручку. Деревянный брусочек, окропленный материнской кровью, сохранил ему жизнь.

Матушка Вэнь слишком хорошо понимала характер своего непутевого чада: дорогая вещь у этого пропойцы не залежалась бы и до вечера. Она предусмотрела даже это. А он... его последними словами, брошенными умирающей матери в лицо, были упреки в том, что ее подарок ничего не стоит.

Вэнь Ци прозрел слишком поздно, когда могильный холм уже порос травой. В человеческой жизни нет ничего страшнее невысказанного раскаяния. Когда разум наконец очищается от пелены эгоизма, исправлять ошибки уже не перед кем. Душа матушки Вэнь наверняка миновала судилище и сделала шаг в круг новых перерождений, разорвав все земные узы

прежней жизни.

Су Цзюгуй и Сяобай хранили молчание. Людские судьбы — слишком хрупкая и запутанная пряжа, чтобы судить о ней с высоты бессмертия. Су Цзюгуй опустил на одно колено, поравнявшись взглядом с Вэнь Ци, и осторожно высвободил деревянную плашку из его судорожно сжатых пальцев.

Разглядывая вещицу, Су Цзюгуй подметил, что начертанное на ней заклятие было до примитивности простым — явная работа какого-нибудь заштатного бродячего даоса. На кончике его пальца соткалась тончайшая, острая как лезвие шелковая нить. Используя ее вместо кисти, а иссохшее дерево — вместо тонкой бумаги, Су Цзюгуй поверх полустертого, угасшего клейма начертал новый духовный узор.

Сяобай только хмыкнул. Су Цзюгуй происходил из великих адептов Горы Великой Чистоты, и наложенное им благословение превосходило каракули безвестного бродяги в сотни раз. Такого щита простому смертному хватит до конца дней.

— Когда я впервые переступил порог твоей усадьбы, тень твоей матери еще блуждала здесь, — негромко произнес Су Цзюгуй. — Она не уходила, продолжая оберегать тебя.

Юноша застыл, не в силах осознать значение этих слов. Он лишь ощутил легкую тяжесть в ладони — Су Цзюгуй бережно вернул ему деревянный брусочек. Вэнь Ци часто заморгал, всматриваясь сквозь слезы в гладкую поверхность дерева. Черная подпалина никуда не делась, как и старые, полустертые каракули бродячего лекаря, однако прямо поверх них легли новые, каллиграфически точные линии свежего плетения.

Смертный ничего не смыслил в высоком искусстве заклинательства, однако даже он почувствовал, с какой невероятной силой и изяществом были нанесены эти черты — уверенно, без единого лишнего штриха, в точности отражая суть самого Су Цзюгуя.

— Она... ушла? — прерывистым голосом спросил Вэнь Ци после затянувшегося молчания.

Он беспокойно огляделся по сторонам, силясь понять, не пряталась ли родная тень среди тех жутких, безмолвных сущностей, что восстали из земли по воле даоса.

— Да, — кивнул Су Цзюгуй. — Ушла с миром.

Он лично прочел над усопшей Молитву Упокоения, так что ее душа должна была безболезненно миновать судилище и обрести покой в новом земном воплощении.

Вэнь Ци сидел неподвижно. Плотина, сдерживавшая горечь и запоздалое раскаяние, окончательно рухнула. Теперь он плакал навзрыд, не прятаясь от мира. Пытаясь сохранить хоть каплю мужского достоинства, он не смел рыдать в голос — лишь глухо выл, уткнувшись

лицом в колени, пока плечи его судорожно вздрагивали от рыданий.

— Благодарю за приют. На рассвете я покину твою усадьбу, — проговорил Су Цзюгуй.

Его появление принесло в жизнь смертного слишком много потрясений. Сейчас ему удалось уберечь парня от когтей призрачного заклинателя, но гарантировать, что следующая беда обойдет усадьбу стороной, он не мог. Наметив дальнейший путь, Су Цзюгуй уже собрался покинуть двор, когда позади раздался сиплый, отчаянный возглас:

— Бессмертный почтенный Юньцзи!

Вэнь Ци поднялся на ноги. Заплаканный, с опухшими веками и растрепанными волосами, он являл собой картину крайнего смятения.

— Я давно утратил это звание, — отозвался Су Цзюгуй, не оборачиваясь.

Это имя и величие былых веков канули в небытие. Быть лисой — значит смириться с новой долей, оставив Лу Юньцзи на пожелтевших страницах прошлого. Однако Вэнь Ци было плевать на чины и условности. Сделав широкий шаг вперед, он опустился на колени прямо в дорожную пыль и, почтительно склонившись до самой земли, твердо произнес:

— Прошу вас, даос Юнь, примите меня в ученики!

Подобная решимость застала Су Цзюгуя врасплох. По упрямому взгляду юноши было понятно: получи он отказ, не сдвинется с этого места до скончания веков. Сяобай презрительно фыркнул, скрестив руки на груди:

— С чего это великому мастеру брать в ученики такое ничтожество, а?

В прежние времена одаренные юноши со всех концов Поднебесной оббивали пороги Горы Великой Чистоты, мечтая хотя бы удостоиться взгляда Лу Юньцзи. Но тот оставался холоден ко всем прошениям, взяв на воспитание одного лишь Чжубая. Кто такой этот захудалый смертный, чтобы посягать на место его последователя?

Вэнь Ци стиснул зубы от обиды. Он отлично сознавал собственное ничтожество, однако отступать не собирался — слова уличного гадалки о его духовном предназначении и скрытом истоке звенели в ушах набатом. Заново склонившись в поклоне, он упрямо повторил:

— Прошу вас, мастер, примите меня в ученики!

Лицо Су Цзюгуя оставалось непроницаемым, взгляд — холодным и изучающим.

— Какова твоя цель? — спросил он. — Назови мне хоть одну причину.

Юноша на миг замешкался, шумно сглотнул, словно в горле застрял сухой ком, а затем хрипло

выдавил:

— Я хочу стать... достойным человеком.

За всю свою жизнь этот негодник не научился ничему, кроме игры в кости. Он спустил последнее имущество, погряз в долгах и не имел ни малейшего представления о честном труде. При жизни родителей он приносил им лишь горе и позор, так и не успев отплатить сыновней почтительностью за их долготерпение.

Сейчас в его душе впервые затеплилось искреннее желание свернуть с кривой дорожки. Ему не нужны были слава первоклассного мастера или бессмертие — он лишь хотел вырасти над собой прежним, стать хоть каплю лучше того ничтожества, каким был до сих пор.

Сяобай процедил сквозь зубы:

— Путь совершенствования полит потом и кровью. Ты и представить себе не можешь, каково это.

Дракон помнил, как Су Цзюгуй часами сидел неподвижно в медитации, борясь с последствиями ранений, когда каждый вздох отдавался в горле нестерпимым жжением, словно туда залили расплавленный свинец. Этот изнеженный бездельник сломался бы при первой же попытке сосредоточиться.

— Я справлюсь! Какую бы цену ни пришлось заплатить, я вынесу всё! — упрямо выкрикнул Вэнь Ци.

Су Цзюгуй ответил молчанием. По обычаям Поднебесной, при вступлении под покровительство мастера полагалось поднести ему дары. Вэнь Ци лихорадочно перебирал в уме скудные пожитки, но понимал, что у него за душой нет ровным счетом ничего. Даже полуразрушенная усадьба, в которой они ютились, формально перешла во владение заклинателя.

Внезапно в его глазах вспыхнул безумный огонек:

— Моя кровь! Я знаю, что демонам и нечисти нужна человеческая кровь для поддержания сил!

Он не ведал иных способов выразить свою преданность и отплатить за спасение жизни. Отыскав глазами валявшийся возле поленицы старый тесак, Вэнь Ци вцепился в его рукоять и приставил лезвие к предплечью:

— Крови во мне предостаточно! Буду поить вас хоть каждое утро, только заберите меня отсюда!

Не дожидаясь ответа, он с силой замахнулся ржавым лезвием. Сердце уходило в пятки от ужаса перед неминуемой болью, но безумное упрямство взяло верх — зажмурившись, юноша резко опустил тесак.

Раздался сухой металлический лязг. Вместо ожидаемой боли он почувствовал лишь, как его руку намертво заклинило. Су Цзюгуй перехватил его запястье у самого лезвия — хватка даоса была подобна литому железу, не позволяя сделать ни малейшего движения. Когда Вэнь Ци открыл глаза, тесак уже с грохотом покатился по каменным плитам двора.

Су Цзюгуй стоял в шаге от него, с холодным прищуром разглядывая своего новоявленного просителя. Лоб юноши покрылся холодной испариной, лицо побелело, словно мел, а дыхание сбилось от пережитого страха.

— Мне без надобности твоя кровь, — спокойно обронил Су Цзюгуй.

Вэнь Ци, все еще содрогаясь от пережитого потрясения, забормотал:

— Тогда... заберите мою душу, мои органы, жизнь — берите всё, что сочтете нужным!

Су Цзюгуй тихо вздохнул. Даже кроткий кролик, оказавшись на краю пропасти, пускает в ход зубы. События этой ночи перепахали душу Вэнь Ци до самого основания, и теперь парень упрямо цеплялся за единственный шанс вырваться из липкого мрака своей никчемной жизни. Да и сам Су Цзюгуй подспудно понимал, что ему не помешает преемник, способный продолжить его дело в этом бренном мире.

— Склони колени и соверши три земных поклона. Это и станет твоим подношением.

Услышав заветные слова, Вэнь Ци едва не задохнулся от нахлынувшей радости. Он торопливо опустился на колени и со звонким стуком трижды приложился лбом к каменным плитам, после чего благоговейно выдохнул:

— Учитель!

Су Цзюгуй невольно вскинул бровь. Он был уверен, что это обращение больше никогда не прозвучит в его адрес.

— С завтрашнего рассвета начнешь укреплять тело. Твоя задача — ежедневно пробегать по десять кругов вокруг озера Минцзин.

Вэнь Ци отлично понимал, что духовный путь начинается с суровой закалки плоти, а потому поспешно закивал, соглашаясь на любые условия:

— Слушаюсь, учитель! Всё исполню, до единого круга!

Изнаненное тело Су Цзюгуя все еще отзывалось ноющей болью. Не тратя времени на пустые разговоры, он подхватил бесчувственного призрачного заклинателя за шкуру и направился к выходу со двора.

Только когда шаги даоса затихли, Вэнь Ци с трудом поднялся с колен. Стоило ему выпрямиться, как он натолкнулся на тяжелый, не предвещающий ничего хорошего взгляд Сяобая.

— А ты, парень, ловок, ничего не скажешь, — ледяным тоном процедил дракон.

Сяобай слишком хорошо помнил повадки этого базарного жулика. При их первой встрече Вэнь Ци без малейших колебаний падал ниц перед каждым встречным демоном, заклиная пощадить его никчемную жизнь. Понятие о мужской гордости у этого пропойцы явно отсутствовало: колени его сгибались с поразительной легкостью при малейшей угрозе. Даже эта недавняя сцена с тесаком и готовностью пустить себе кровь была чистой воды притворством — хитрый бездельник безошибочно рассудил, что великодушный Су Цзюгуй не допустит кровопролития у себя на глазах.

— У тебя и перенял, — спокойно парировал Вэнь Ци, даже не поведя бровью.

Он уже успел раскусить характер своего нового покровителя. Су Цзюгуй, без сомнения, был гениальным заклинателем, однако в житейских вопросах отличался редкой снисходительностью и не обращал внимания на мелкие хитрости окружающих. Не будь он столь простодушен, этот заносчивый малец Сяобай давно бы летел отсюда кувырком.

— Да как ты смеешь!.. — Сяобай аж поперхнулся от ярости. Каков наглец — мало того что в доверие втерся, так еще и его собственные уловки против него использует!

Не желая больше тратить время на пустую перепалку с нищим побирушкой, дракон бросился догонять уходящего Су Цзюгуя.

— Учитель! — звонко закричал он ему в спину. — Учитель, да обождите же вы меня!

Су Цзюгуй поморщился. У него виски ломило от этого слова, мгновенно пробудившего воспоминания о былых годах, когда ему точно так же приходилось нянчиться с капризным, своенравным Чжубаем.

— А ты еще что выдумал? — со вздохом спросил он, притормозив.

Сяобай тут же нацепил на лицо самое невинное выражение, включив привычное упрямство:

— А почему этому проходимцу можно, а мне нельзя? Вот и буду вас так величать! Учитель! Учитель Су!

Су Цзюгуй лишь обреченно покачал головой. Против детской непосредственности и изощенного упрямства этого древнего змея у него не было ровным счетом никакого оружия.